

Методы анархо-синдикализма

Рудольф Роккер

1989

Анархо-синдикализм часто обвиняют в том, что он не интересуется политическим устройством отдельных стран и, следовательно, борьбой вокруг современных политических проблем. Утверждают, будто он ограничивается исключительно борьбой за чисто экономические требования. Эта мысль совершенно ошибочна; она проистекает или из полного невежества или из намеренного искажения фактов. От современных рабочих партий анархо-синдикалистов отличает не политическая борьба как таковая, даже не ее принципы и тактика, а форма этой борьбы и те цели, которые она преследует. Анархо-синдикализм отнюдь не довольствуется только идеалом будущего общества, свободного от господства; он стремится к повседневному ограничению деятельности государства, к блокированию его влияния в каждой сфере общественной жизни, где это только возможно. Именно эта тактика отличает работу анархо-синдикалистов от целей и методов рабочих политических партий, вся деятельность которых направлена на постоянное расширение сферы влияния политической государственной власти и все большее распространение ее на экономическую жизнь общества. Тем самым лишь открывается путь к зреющему государственному капитализму, а он, как показывает опыт, прямо противоположен тому, за что действительно борется социализм.

Анархо-синдикализм относится к государственной политической власти так же, как к системе капиталистической эксплуатации. Его сторонникам совершенно ясно, что корни социальной несправедливости системы – не в ее неизбежных наростах, а в капиталистическом экономическом строе как таковом. Хотя его усилия направлены на ликвидацию капиталистической эксплуатации и замену ее социалистическим строем, анархо-синдикализм ни на момент не упускает из виду задачу: всеми доступными ему средствами снижать уровень капиталистической прибыли в существующих условиях, как можно более увеличить долю производителей в распределении продуктов труда.

В борьбе против политической власти, выражающейся в государстве, анархо-синдикалисты прибегают к той же самой тактике. Они считают современное государство следствием экономической монополии капиталистов и порожденным ею разделением общества на классы. Государство служит для того, чтобы поддерживать такое положение всеми репрессивными средствами, доступными политической вла-

сти. Анархо-синдикалисты убеждены, что вместе с системой эксплуатации должен исчезнуть политический механизм ее защиты, уступив место управлению общественными делами на основе свободного соглашения. Но они не должны забывать о том, что в рамках существующего политического строя трудящимся приходится прилагать постоянные усилия, чтобы защищать все завоеванные политические и социальные права против любых атак реакции и постоянно расширять их при любой открывающейся возможности.

Трудящиеся не могут быть равнодушными к экономическим условиям их жизни в существующем обществе. Но точно также они не могут оставаться безразличными к политическому положению их страны. И для борьбы за хлеб насущный, и для любой пропаганды, направленной на социальное освобождение, нам необходимы политические права и свободы. Мы должны бороться за них всегда, когда они отрицаются, и защищать их со всей решимостью, когда их пытаются у нас отнять. Поэтому совершенно абсурдно утверждать, будто анархо-синдикалисты не интересуются политической борьбой. Героическая битва Национальной конфедерации труда (НКТ) в Испании против фашизма (в 1936-1939 гг. – прим. В. Д.) – быть может, лучшее доказательство того, что в этих баснях нет ни грана истины.

Но мы ведем политические бои не в законодательных учреждениях, а в народе. Политические права не рождаются в стенах парламентов, скорее они навязываются извне. Даже превращение в закон еще отнюдь не гарантирует их осуществление. Предприниматели всегда пытаются при малейшей возможности свести на нет любую уступку трудящимся, как только обнаруживают у рабочих организаций хоть малейший признак слабости. Правительство всегда склонно ограничить или полностью ликвидировать завоеванные права и свободы, если полагает, что люди не окажут ему сопротивления. Даже в тех странах, где давно существуют такие вещи, как свобода печати, право на собрания и объединения и т. д., правительство постоянно готово урезать эти права или истолковать их иначе с помощью юридических уловок. Политические права существуют не потому, что в законодательном порядке занесены на бумагу, а только потому, что они стали для людей внутренней привычкой и любая попытка посягнуть на них вызывает бурную реакцию населения. Если это не так – тогда не поможет никакая парламентская оппозиция, никакие платонические ссылки на конституцию. Угнетенные могут заставить уважать себя только в тому случае, если они умеют защищать свое человеческое достоинство. Это верно не только для частной, но и для политической жизни.

Люди пользуются всеми политическими правами и завоеваниями, которых мы на сегодня более или менее добились, не по доброй воле своих правительств, но благодаря собственной решительности. Правительства прибегали ко всем доступным им средствам, чтобы предотвратить завоевание этих прав или свести их к иллюзии. Достаточно присмотреться к истории трех последних веков, чтобы понять, какой неумолимой борьбой приходилось сантиметр за сантиметром отвоевывать у деспотов каждое право. Какую упорную борьбу вели, например, трудящиеся в Англии, Франции, Испании и других странах, чтобы заставить «свои» правительства признать право на организацию в профсоюзы! Во Франции запрет на профсоюзы был отменен только в 1886 году. Если бы не непрерывные бои трудящихся, во Французской республике и по сей день не было бы права на объединение. Только после

того, как люди труда своими прямыми действиями поставили парламент перед свершившимся фактом, власти вынуждены были рассмотреть новую ситуацию и легализовать существование профсоюзов. Важно не то, что правительство решило предоставить людям определенные права – важно, почему оно это сделало! Для тех, кто не поймет этой связи, история навсегда останется тайной за семью печатями.

Разумеется тот, кто разделяет циничное высказывание Ленина и считает свободу «буржуазным предрассудком», тот уверен, что политические права и свободы не важны для трудящихся. Но тогда все неисчислимые битвы прошлого, все восстания и революции, в ходе которых мы завоевали эти права, также не представляют ценности. Для того, чтобы изречь эту жемчужину мудрости, вряд ли было необходимо свергать царизм. Во всяком случае, цензура Николая Пнаверняка не имела бы ничего против определенной свободы как «буржуазного предрассудка». Более того, такие крупные теоретики реакции, как Жозеф де Местр и Луи Бональд уже заявляли то же самое, пусть и в других выражениях, и защитники абсолютизма были им благодарны.

Анархо-синдикалисты далеки от недооценки этих прав для трудящихся. Если они отвергают какое бы то ни было участие в буржуазных парламентах, то не потому что вообще отвергают политическую борьбу, а потому что твердо убеждены: парламентская деятельность – самая слабая и наиболее безнадежная для трудящихся форма политической борьбы. Для буржуазных классов парламентская система, без сомнения, представляет собой наиболее подходящий инструмент для урегулирования конфликтов, не допуская взрыва, для осуществления выгодного сотрудничества между теми, кто равно заинтересован в сохранении существующего экономического строя и защищающей его политической организации. Когда определены общие интересы, для всех партий возможно и полезно взаимное соглашение. Но для трудящегося класса ситуация совершенно иная. Для него нынешний экономический строй – это источник его экономической эксплуатации, а организованная власть государства – инструмент его политического и социального подчинения. Даже самые свободные выборы не могут покончить с разительным контрастом между имущими и неимущими классами общества. Они могут служить лишь для того, что придать системе социальной несправедливости видимость законности и побудить рабов поставить клеймо закона на их собственное рабство.

Но важнее всего, что сам практический опыт показывает: участие трудящихся в парламентской деятельности ослабляет силу их сопротивления и делает их борьбу с существующей системой тщетной. Участие в парламентах ни на йоту не приближает трудящихся к их главной цели, оно мешает им защищать права, отвоеванные вопреки атакам реакции. Например, в Пруссии, крупнейшей земле Германии, где незадолго до прихода Гитлера к власти социал-демократы были главной правительственной партией и контролировали ключевые министерства, фон Папен, вскоре после того, как Гинденбург¹ назначил его рейхсканцлером, отважился нарушить конституцию и (в 1923 г.) разогнать прусское правительство, использовав всего-навсего лейтенанта с дюжиной солдат. Когда Социал-демократическая партия в своей беспомощности додумалась только до того, чтобы обратиться в Верховный суд страны, вместо того, чтобы встретить организаторов путча открытым сопротивлением, реакция поняла,

¹ Гинденбург - президент Германии в 1925-1934 гг. – прим. В. Д.

что ей больше нечего бояться и отныне она может делать с трудящимися все, что ей заблагорассудится. Государственный переворот Папена открыл путь к Третьему рейху.

Итак, анархо-синдикалисты отнюдь не против *политической борьбы*, но, по их мнению, она должна иметь форму прямого действия, причем наиболее эффективными оказываются инструменты экономической борьбы, находящиеся в распоряжении трудящегося класса. Самая обычная борьба за зарплату показывает: всегда, когда предприниматели оказываются в трудном положении, государство вмешивается в конфликт, посылает полицию, иногда даже войска для защиты интересов имущих классов. Поэтому было бы абсурдно игнорировать значение политической борьбы. Каждое событие, влияющее на жизнь общества, носит политический характер. В этом смысле любая значительная экономическая акция, такая например, как всеобщая стачка, является политической и имеет, сверх того, гораздо большее значение, чем какая либо парламентская процедура. Политический характер имеет также борьба анархо-синдикалистов против фашизма и антимилитаристская пропаганда – борьба, которую десятки лет вели одни только либертарные социалисты и синдикалисты, и которая стоила им огромных жертв.

Действительность такова: когда социалистические рабочие партии хотели добиться какой-либо решающей политической реформы, они всегда обнаруживали, что не могут достичь этого своими силами. Они вынуждены были целиком полагаться на боевую экономическую мощь трудящегося класса. Это доказывают всеобщие политические стачки в Бельгии, Швеции и Австрии за всеобщее избирательное право (в начале XX века – прим. В. Д.). В России в 1905 г. Именно грандиозная всеобщая стачка вложила перо в руки царя, заставив его подписать конституцию. То, чего российская интеллигенция не смогла добиться десятилетиями героической борьбы, стремительно осуществила объединенная экономическая акция трудящегося класса.

Политическая борьба сосредоточена не в политических партиях, а в организациях трудящихся, созданных для экономической борьбы. Признание этого анархо-синдикалисты ставят в центр своей деятельности по социалистическому просвещению масс и усилению их экономической и социальной мощи. Их метод – метод *прямого действия* в экономических и политических битвах наших дней. Это единственный метод, позволяющий что-либо достичь во все решающие моменты истории. Буржуазия тоже использовала его в борьбе с абсолютизмом и, отказываясь платить налоги, бойкотами и революциями, открытым неповиновением утверждала свое положение господствующего класса общества. Сегодня ее представители забыли об истории своих отцов и называют «кровавыми убийцами» «незаконные методы», применяемые трудящимися в их борьбе за свободу. Как будто бы закон когда-либо позволял угнетенному классу скинуть свое ярмо!

Под прямыми действиями анархо-синдикалисты понимают все способы непосредственной борьбы трудящихся против их экономических и политических угнетателей. Главные из таких способов: *забастовка* во всех видах – от простой борьбы за зарплату до всеобщей стачки; *бойкот*; саботаж в самых различных формах; *антимилитаристская* пропаганда; в критических ситуациях, как, например, в современной (конца 30-х годов – прим. В. Д.) Испании, – *вооруженное сопротивление* людей, защищающих свою жизнь и свободу.

Наиболее распространенный из этих методов борьбы – *забастовка*, организованный отказ от работы. В промышленную эпоху она играет для трудящихся ту же роль, что играли частые крестьянские бунты в феодальную эпоху. В своей простейшей форме это незаменимое для трудящихся средство добиться улучшения их уровня жизни или защитить свои достижения и завоевания от согласованной атаки предпринимателей. Но это не только способ защиты непосредственных экономических интересов людей руда. Для них это еще и постоянная школа, где они учатся сопротивлению, ежедневно убеждаясь в том, что любое малейшее право завоевывается в непосредственной борьбе против существующей системы.

Повседневная борьба за зарплату и боевые экономические организации трудящихся – продукт капиталистического экономического строя и, следовательно, жизненно необходимы людям труда. Без этого они утонули бы в пучине нищеты. Конечно, социальная проблема не может быть решена одной только борьбой за зарплату, но такая борьба – великолепный инструмент просвещения, позволяющий трудящимся понять существо социальной проблемы, поупражняться в борьбе за освобождение от экономического и социального рабства. Как бы долго не продавал человек труда свои руки и мозги предпринимателю, он никогда не сумеет заработать больше, чем нужно для приобретения самого необходимого для жизни. Но жизненные потребности не остаются неизменными, они становятся иными по мере роста жизненных запасов людей.

Здесь мы подходим к значению рабочей борьбы для общего роста культуры. Экономическое объединение производителей не только дает им оружие для завоевания лучших условий жизни. Оно становится для них школой практики, университетом опыта, где можно широко почерпнуть знания для ответа на вопрос, что и зачем следует делать. Практический опыт и ход повседневной борьбы трудящихся влияет на их организованность, углубляет их понимание происходящего, расширяет интеллектуальный кругозор. Благодаря постоянному интеллектуальному развитию в жизненном опыте люди обретают новые устремления и способность к деятельности в самых разных сферах духовной жизни. Именно в этом развитии состоит великое культурное значение их борьбы.

Подлинная духовная культура и высшие жизненные интересы невозможны, пока люди не достигнут определенного уровня жизни, который даст им такую возможность. Без этого условия ни о каких высоких духовных стремлениях не может быть и речи. Люди, которым постоянно угрожает прямая нужда, вряд ли способны хорошо воспринять высокие культурные ценности. Только после того, как трудящиеся в ходе десятилетий борьбы отвоевали для себя лучшие условия жизни, вообще встал вопрос об их интеллектуальном и культурном развитии. Именно к этим стремлениям трудящихся предприниматели относятся с самой глубокой подозрительностью. Капиталисты как класс и сейчас еще придерживаются известного высказывания испанского министра Хуана Мурильо: «Нам не нужны среди рабочих люди, умеющие думать; нам нужен рабочий скот».

Один из важнейших результатов повседневной экономической борьбы – это развитие солидарности между трудящимися. Она имеет совершенно иной смысл, чем политическая коалиция между партиями, чьи сторонники принадлежат к различным социальным классам. Твердость чувства взаимопомощи постоянно проверяется в

ежедневной борьбе за то, что необходимо для жизни, и это все более настойчиво требует сотрудничества между людьми, находящимися в одинаковых условиях. Это чувство действует совершенно иначе, чем абстрактные партийные принципы, большая часть которых является чисто отвлеченными. Оно перерастает в жизненное понимание общности судьбы, в новое ощущение своих прав, образуя этическую основу для любых усилий по освобождению угнетенного класса.

Развитие и укрепление этой естественной солидарности между трудящимися, придание каждому стачечному движению как можно более глубокого социального характера – одна из важнейших задач, которые ставят перед собой анархо-синдикалисты. Они считают *стачки солидарности* лучшим видом оружия. В Испании они достигали объема, невиданного в других странах. Благодаря им экономические сражения становились сознательным действием трудящихся как класса. Стачка солидарности – это сотрудничество между непосредственно затронутыми и другими категориями трудящихся с тем, чтобы помочь какой-либо одной профессии одержать победу в борьбе, распространив забастовку в случае необходимости и на другие отрасли. В этих случаях работники не ограничиваются финансовой помощью своим борющимся братьям, но они идут дальше и, парализуя целые отрасли промышленности, останавливают всю экономическую жизнь. Тем самым их требования становятся эффективнее.

Сегодня, когда с появлением национальных и транснациональных трестов и картелей частный капитализм все больше превращается в монополистический, часто лишь такая форма борьбы может обеспечить успех трудящимся. С переходом к индустриальному капитализму забастовки солидарности стали для людей труда велением времени. Предприниматели создали мощную базу для защиты своих интересов в виде картелей и организаций поддержки. Подобно им, трудящимся следует в соответствии с требованиями времени сосредоточиться на создании необходимой основы для массовых солидарных действий – в виде широкого объединения страновых и международных экономических организаций. Изолированная забастовка сегодня все больше теряет свое прежнее значение, хотя и не обречена на полное исчезновение. В современной экономической борьбе между трудом и капиталом все большую роль будет играть крупная стачка, охватывающая целые отрасли промышленности. Это поняли даже работники, состоящие в старых цеховых организациях и далекие от социалистических идей, что проявилось в бурном росте производственных профсоюзов в Америке по контрасту со старыми методами Американской федерации труда.

Прямое действие организованных сил труда находит свое наибольшее выражение во *всеобщей стачке*, остановке работы во всех отраслях производства организованным сопротивлением пролетариата со всеми вытекающими последствиями. Это самое сильное оружие, которым обладают трудящиеся, и самое полное выражение их решимости как социального фактора. После того, как конгресс французских профсоюзов в Марселе (в 1892 году), позднее – конгрессы Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) большинством голосов высказались за пропаганду всеобщей стачки, рабочие партии в Германии и многих других странах резко обрушились на эту форму пролетарского действия и отвергли ее как «утопическую». «Всеобщая забастовка – это всеобщее безумие» - провозгласил один из виднейших лидеров германской

социал-демократии. Но волна следовавших всеобщих стачек в Испании, Бельгии, Голландии, России и т. Д. ясно продемонстрировала, что эта мнимая «утопия» – целиком в рамках возможного, а отнюдь не плод воображения нескольких революционных фанатиков.

Всеобщую стачку, конечно же, нельзя искусственно вызвать по любому поводу. Она требует определенной социальной ответственности, чтобы развить моральную стойкость и стать выражением воли широчайших народных масс. Частое издевательское обвинение, будто анархо-синдикалисты полагают, что достаточно лишь объявить всеобщую стачку, чтобы за несколько дней добиться социализма, – просто глупая выдумка злостных противников. Это попытка любыми средствами дискредитировать идею, которую не удастся атаковать другими способами.

Всеобщая стачка может служить различным целям. Она может стать последним этапом забастовки солидарности, как, например, всеобщая стачка в Барселоне в феврале 1902 г. или в Бильбао в октябре 1903 г., когда шахтеры смогли избавиться от ненавистной им системы тележек и заставить владельцев ввести приемлемые медицинские условия на шахтах. Она может легко стать средством, с помощью которого организованные трудящиеся хотят добиться удовлетворения каких-либо общих требований, например, в 1886 г. в США во время попытки всеобщей забастовки за введение восьмичасового рабочего дня во всех отраслях промышленности. Гигантская всеобщая стачка британских рабочих в 1926 г. была ответом на попытку предпринимателей снизить зарплату и, тем самым, общий уровень жизни трудящихся.

Но всеобщая стачка может преследовать и политические цели, как например борьба испанских рабочих за освобождение политических заключенных в 1904 г. или всеобщая забастовка в Каталонии в 1909 г., чтобы заставить правительство прекратить войну в Марокко. Сюда же относится всеобщая стачка германских трудящихся в 1920 г., которая была объявлена после так называемого Капповского путча и покончила с правительством, захватившим власть с помощью военного мятежа. Массовые забастовки в Бельгии в 1903 г. и в Швеции в 1909 г. помогли добиться всеобщего избирательного права, а всеобщая стачка российских рабочих в 1905 г. – введения конституции. Наконец, в Испании широчайшее забастовочное движение рабочих и крестьян после фашистского мятежа в июле 1936 г. переросло в *всеобщую социальную стачку*, привело к вооруженному сопротивлению и одновременно к ликвидации капиталистического экономического строя и реорганизации экономической жизни самими трудящимися.

Огромная сила всеобщей стачки состоит в том, что она одним ударом парализует всю экономическую систему и потрясает ее до основания. Ее действие отнюдь не зависит от практической готовности всех без исключения трудящихся – ведь и в политическом перевороте никогда не участвуют все граждане. Если прекратится работа наиболее важных отраслей, этого будет достаточно, чтобы остановить весь экономический механизм, который не может функционировать без ежедневных поставок угля, электроэнергии, сырья. Когда правящий класс сталкивается с энергичным и организованным трудящимся классом, закаленным в повседневной борьбе и сознающим, что поставлено на карту, он более склонен уступить. И в первую очередь, он

² Жан Жорес – французский социал-демократ конца XIX – начала XX вв. – прим. В. Д.

боится применить силу против трудящихся, опасаясь толкнуть их на крайние меры. Даже Жан Жорес^{2*}, который как социалист-парламентарист не был согласен с идеей всеобщей стачки, признавал, что постоянная угроза возникновения такого движения заставляет имущие классы быть осторожными и избегать поправа с таким трудом завоеванных прав из опасения, что это может легко привести к катастрофе.

В период всеобщего социального кризиса или когда – как в Испании – встает задача защиты всего народа от атаки варварской реакции, всеобщая стачка – бесценное и незаменимое оружие. Нарушая всю общественную жизнь, она затрудняет соглашение между правящими классами, между местными властями и центральным правительством, пусть даже не устраняет их полностью. Даже применение армии сталкивается при этом с совершенно иными проблемами, чем при политическом восстании. В последнем случае правительству – пока оно еще может опираться на вооруженные силы – достаточно сконцентрировать свои войска в столице и важнейших пунктах страны, чтобы противостоять угрожающей ему опасности.

Всеобщая стачка вызывает, напротив, неизбежное распыление военных сил, поскольку в этой ситуации им приходится защищать от восставших трудящихся все важные промышленные центры и транспортную систему. Но это приводит к падению военной дисциплины, которая всегда тверже, если солдаты действуют большими формированиями. Когда небольшие группы вооруженных сил сталкиваются с решительной борьбой народа, сражающегося за свою свободу, всегда есть возможность, что по крайней мере часть солдат сможет почувствовать и понять, что обращает оружие против своих родителей и братьев. Милитаризм сталкивается, в первую очередь, с психологической проблемой; его разлагающее влияние опаснее всего тогда, когда человек не может подумать о своем человеческом достоинстве, увидеть, что позволить кровавым угнетателям использовать себя против собственного народа – величайшее из преступлений.

Всеобщая стачка играет ту же роль для трудящихся, что баррикады в политическом восстании. Она – логическое следствие индустриальной системы, чьей жертвой являются люди труда, но она же предоставляет им самое мощное оружие в борьбе за свободу, если они осознают свою силу и научатся правильно использовать это оружие. Уильям Моррис с провидческим даром поэта предвидел такой ход развития событий, когда в своей знаменитой книге «Вести ниоткуда» описал, как социалистическому преобразованию общества предшествует длинная серия всеобщих стачек все нарастающей силы. Они потрясают старую систему до ее глубочайших оснований, пока ее защитники не утрачивают способность сопротивляться новому сознанию трудящихся масс города и деревни.

Все развитие современного капитализма, который превращается сегодня в самую большую опасность для человеческого общества, может лишь способствовать все более широкому распространению этого сознания среди трудящихся. Бесплодность участия организованных людей труда в парламентах, все более очевидная сегодня в каждой стране, сама заставляет их искать новые методы защиты их интересов и возможности освобождения из-под ига наемного труда.

Другим важным средством прямого действия является *бойкот*. Трудящиеся могут прибегнуть к нему как производители и как потребители. Систематический отказ потребителей покупать у фирм, торгующих товарами, производимыми в услови-

ях, против которых борются профсоюзы, часто может иметь решающее значение, особенно в отраслях, где производятся товары массового потребления. Бойкот может настроить общественное мнение в пользу трудящихся, если он сопровождается соответствующей пропагандой. Этикетка, которую члены профсоюза прикрепляют к товару, – эффективное средство обеспечить бойкот, поскольку она дает знать покупателям, о каких продуктах их предупреждают. Даже правители Третьего рейха испытали на себе, каким мощным оружием может стать бойкот в руках широких масс людей, и вынуждены были признать, что международный бойкот германских товаров нанес серьезный ущерб внешней торговле страны. Воздействие было бы еще большим, если бы профсоюзы поддержали бдительность общественного мнения непрерывной пропагандой и продолжали поощрять протесты против подавления германского рабочего движения.

Как производители, трудящиеся прибегают к бойкоту, устанавливая эмбарго на контракты с теми предприятиями, владельцы которых особенно враждебны по отношению к профсоюзам. Отказ докеров Барселоны, Валенсии и Кадиса разгружать германские суда (после прихода к власти нацистов – прим. В. Д.) вынудил капитанов кораблей оставить свой груз в североафриканских портах. Если бы то же самое сделали и профсоюзы других стран, это могло бы дать куда лучшие результаты, чем все отвлеченные протесты. В любом случае бойкот – одно из самых эффективных средств борьбы трудящегося класса, и чем больше трудящиеся прибегают к нему, тем более сознательными и победоносными станут они в своей ежедневной борьбе.

Среди средств, находящихся в арсенале анархо-синдикалистов, *саботаж* – одно из самых страшных для предпринимателей. Он наиболее резко осуждается как «незаконный». В действительности мы имеем дело с методом экономической малой войны, который столь стар, как сама система эксплуатации и политического угнетения. Во многих случаях трудящиеся просто вынуждены прибегать к нему, когда другие средства не приносят успеха. Саботаж заключается в том, что работники организуют любые возможные помехи в нормальном ходе работы. Чаще всего это происходит тогда, когда предприниматель пытается воспользоваться тяжелой экономической ситуацией или иной благоприятной возможностью для ухудшения обычных условий труда, снижения заработной платы или увеличения продолжительности рабочего времени. Сам термин происходит от французского слова «сабо», деревянный башмак, и означает «работать неуклюже, как деревянный башмак». Значение саботажа прекрасно выражено формулой: за плохую плату – плохая работа. Сам предприниматель действует также, когда устанавливает цены на свои товары в зависимости от их качества. Производитель находится в том же положении: его товар – собственная рабочая сила, и он имеет право распорядиться ею так, как сочтет наилучшим.

Если предприниматель пользуется бедственным положением производителя, чтобы навязать ему как можно более низкую цену на его рабочую силу, он не должен удивляться, когда производители защищаются, как могут и используют для этого средства, которые даны им обстоятельствами. Английские рабочие стали делать это задолго до того, как об этом заговорили революционные синдикалисты на континенте. Политика «сасанпу» (идти медленно), которую вместе с самой фразой английские рабочие заимствовали у своих шотландских братьев, была первой и самой эффектив-

ной формой саботажа. Сегодня, при современной системе разделения труда, когда часто малейшее нарушение работы одной отрасли промышленности есть сотни способов, позволяющих трудящимся помешать производству. Так железнодорожники во Франции и Италии, используя так называемую «жемчужную забастовку» (бастуя так, как нанизывают жемчуг на нитку), приводят в беспорядок всю транспортную систему. Для этого им достаточно было строго-буквально следовать существующим транспортным правилам, и это не позволяли ни одному поезду прибывать вовремя^{3*}. Если предприниматели обнаружат, что трудящиеся обладают средствами для самозащиты даже в неблагоприятной ситуации, когда о забастовке даже помыслить невозможно, они поймут, что невыгодно пользоваться трудным положением трудящихся, чтобы навязать более тяжелые условия жизни.

Так называемая *сидячая забастовка*, которая с удивительной быстротой распространилась из Европы в Америку, состоит в том, что трудящиеся остаются на предприятии день и ночь, ничего не делая. Им не приходится предпринимать меры, чтобы предотвратить использование штрейкбрехеров. По-существу, это разновидность саботажа. Очень часто саботаж организуется так: перед забастовкой работники выводят машины из строя, чтобы затруднить работу штрейкбрехеров, или сделать ее невозможной на продолжительное время. Ни одно поле боя не открывает такой простор воображению трудящихся, как это. Саботаж трудящихся всегда направлен против предпринимателей, но никогда – против потребителей. Это особенно подчеркивал Эмиль Пуже^{4*} в докладе на конгрессе Всеобщей конфедерации труда в Тулузе в 1897 г. Все сообщения буржуазной прессы о пекарях, якобы запекавших стекло в хлеб, или о сельскохозяйственных рабочих, отравивших молоко и т. д. – злобные выдумки, призванные настроить общественное мнение против работников.

Саботаж во вред потребителям – это вековая привилегия предпринимателей. Запрограммированная порча продуктов, строительство негодных трущоб и антисанитарных многоквартирных домов из самого жалкого и дешевого материала, уничтожение большого количества продуктов питания, чтобы удержать цены на них в то время, как миллионы страдают от ужаснейшей нищеты, постоянные попытки удерживать существование людей труда на как можно более низком уровне, чтобы обеспечить себе максимальные прибыли, бесстыдная практика индустрии вооружений – поставки за рубеж военного снаряжения, которое, при определенных условиях может быть использовано против самой страны-производителя, все это и многое другое – лишь некоторые моменты в бесконечном списке саботажа капиталистов против их собственных народов.

Еще одна эффективная форма прямого действия – *социальная стачка*, роль которой в ближайшем будущем, несомненно, возрастет. Она меньше связана с интересами производителей, нежели с защитой интересов общества от наиболее пагубных проявлений существующей системы. Цель социальной стачки – заставить предпринимателя ответить перед обществом. Речь идет, в первую очередь, о защите потребителей, огромное большинство которых – сами трудящиеся. Прежде задача профсоюзов

³ Сегодня такой вид забастовки, то есть работа с соблюдением всех возможных правил и инструкций, предписаний, известна как «итальянская забастовка». – прим. В. Д.

⁴ Эмиль Пуже – французский синдикалист конца XIX – начала XX вв. – прим. В. Д.

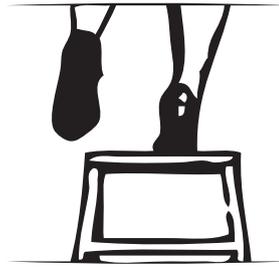
ограничивалась исключительно защитой трудящихся как производителей. До тех пор, пока предприниматели соблюдали установленные нормы рабочего времени и платили установленную зарплату, эта задача была осуществима. Иными словами, профсоюзы интересовались только условиями труда своих членов, а не характером этого труда. Теоретически это было бы оправдано, если бы отношения между предпринимателем и работником основывались на контракте для достижения определенной цели, в данном случае – цели общественного производства. Но контракт имеет смысл только тогда, когда стороны на равных участвуют в достижении цели. В действительности же человек труда не имеет права голоса при решении производственных проблем, такое право полностью принадлежит предпринимателю. В результате работник вынужден делать тысячи вещей, которые постоянно идут во вред всему обществу ради пользы предпринимателя. Он вынужден использовать при производстве изделий материалы низкого качества, а часто – действительно вредные, вынужден строить плохое жилье, изготавливать испорченные продукты и совершать многочисленные действия, задуманные для обмена потребителей.

Энергично воспрепятствовать этому – такова, по мнению анархо-синдикалистов важнейшая задача профсоюзов в будущем. Шаги в этом направлении одновременно усилят и значительно укрепят роль трудящихся в обществе. Различные попытки такого рода уже предпринимались, о чем свидетельствуют, например, забастовка строителей Барселоны, которые отказались использовать негодный материал и обломки старых зданий для сооружения домов для рабочих (1902 г.), забастовки в ряде больших ресторанов Парижа, когда работники кухонь не пожелали готовить ради дешевизны из полугнилого мяса (1906 г.) и множество подобных выступлений в последнее время. Все это говорит о росте сознания трудящихся своей социальной ответственности. К этой же области относится резолюция германских рабочих военной промышленности на их съезде в Эрфурте (1919 г.): не производить больше оружия для войн и заставить предпринимателей переориентировать их предприятия на выпуск другой продукции. Эта резолюция оставалась в силе почти два года, пока не была нарушена профсоюзным объединением. Анархо-синдикалистские рабочие Земмерды с большой последовательностью защищались до последнего и их рабочие места заняли члены «свободных (официальных – прим. В. Д.) профсоюзов».

Убежденные противники любых национальных амбиций, революционные синдикалисты, особенно в романских странах, всегда уделяли значительное место в своей деятельности *антимилитаристской* пропаганде, стараясь убедить трудящихся в солдатской форме сохранять верность своему классу и не обращать оружие во время стачек против своих братьев по классу. Это стоило им больших жертв, но они никогда не прекращали усилий, поскольку знают, что смогут завоевать свои права лишь в непрестанной борьбе против господствующей власти. В то же время *антимилитаристская* пропаганда позволяет в значительной мере противостоять угрозе войны с помощью всеобщей стачки. Анархо-синдикалисты понимают, что войны служат только интересам правящих классов. Они считают оправданными все меры, чтобы предотвратить организованное человекоубийство. И в этой области у трудящихся много возможностей, если они обладают волей и моральной стойкостью, чтобы их использовать.

Прежде всего, необходимо излечить рабочее движение от внутренней застывленности, освободить его от пустой демагогии политических партий, чтобы оно могло интеллектуально развиваться и выработать в себе творческие предпосылки для осуществления социализма. Практическое достижение этой цели должно стать для трудящихся делом внутренней убежденности, созреть как этическая необходимость. Великая конечная цель социализма должна вырасти из многих каждодневных практических боев, и придать им социальный характер. В самом мелком конфликте, рожденном потребностями момента, должна отражаться великая задача социального освобождения, и каждая такая борьба должна помочь расчистить дорогу и укрепить дух, который превратит внутреннее стремление к достижению цели в волю и действие.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Рудольф Роккер
Методы анархо-синдикализма
1989

Скопировано 22 декабря 2014 года с <http://aitrus.info/node/1517>
(**RudolfRocker. Anarcho-Syndicalism. London: Pluto Press, 1989. P.109-130**)
Перевод: Вадим Дамье.

ru.theanarchistlibrary.org